

Роберт Макклоски

Новые приключения

ГОМЕРА ПРАЙСА

Сентербергские
истории



Роберт Макклоски

Новые приключения

Гомера Прайса.

Сентербергские истории

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48586986

*Новые приключения Гомера Прайса. Сентербергские истории: Розовый
жyraф; М.; 2019*

ISBN 978-5-4370-0250-6

Аннотация

Сентерберг – маленький городок, и событий в нём происходит немного, но зато, если уж что-то случается, это касается всех. То сорняки, вызывающие аллергию, вымахали выше деревьев, то одна песенка привязалась ко всем жителям города так, что они поют не переставая, то взрослые, не задумываясь о последствиях, накупили неведомое средство «иещёболее». И неизвестно, как обитатели Сентерберга выпутывались бы из всех этих ситуаций, если бы не Гомер Прайс, который неизменно оказывался в центре всех событий! А ещё у Гомера есть потрясающий дедушка – Геркулес. Слушая его невероятные истории, выросло не одно поколение сентербергцев. Одна беда – став взрослыми, они перестают верить, что можно удержать на плечах мост, заставить целый город жить по воробыиному времени или взять и

запрыгнуть на скалу. Хорошо, что дедушка Герк (а вместе с ним и все дети города) умеет постоять за себя и за свои истории.

Содержание

Дедушка Геркулес	8
Вертушка	8
Воробьиное время	26
В поисках золота	40
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Роберт Маккლოსки
Новые приключения
Гомера Прайса.
Сентербергские истории



Robert McCloskey
CENTERBURG TALES



Copyright © Robert McCloskey, 1943

Copyright © renewed Robert McCloskey, 1971

© Ю. Хазанов, перевод («Чёртова дюжина», «Иещёболе», «Режьте билеты»), 1969, 2018

© А. Шур, перевод («Дедушка Геркулес»), 2019

© ООО «Издательство «Розовый жираф», издание на русском языке, 2019

All rights reserved. This edition published by arrangement with Viking Children's Books, an imprint of Penguin Young Readers Group, a division of Penguin Random House LLC.

Дедушка Геркулес



Вертушка

В каждом городе для всякого занятия есть наиболее подходящее место. Во всём Сентерберге не найти для игры в шарики места лучше, чем улочка за парикмахерской. В бейсбол лучше всего играть в пустом ангаре рядом с «Производственной компанией Эндерс». А вот воздушного змея там

не запустишь – слишком много проводов. Лучшее место для того, чтобы есть пончики, – кафе дядюшки Одиссея. А мороженое в рожках – аптека Ойшнайдера. Рыбачить можно много где, но лучше всего – на реке Кёрбстоун под железнодорожным мостом. Лучшее место, чтобы крутить волчки, – ступени, ведущие к памятнику Ветеранам гражданской войны в центре городской площади. Там, правда, можно наткнуться на девчонок – эти ступени ещё и лучшее место в городе, чтобы играть в камешки и прыгать через верёвочку. И если ты здорово умеешь крутить волчок, то ты можешь запустить его – прыг-прыг-прыг – с одной ступеньки на другую, главное, чтобы там не было девчонок.

– Гомер Прайс! Если ты ещё хоть раз запустишь свой волчок в наши камешки, мы его заберём навсегда! – закричала Джинни Ли. – Мы первые заняли ступеньки под солдатом! А вы идите на ту сторону – к моряку и там крутите свои дурацкие волчки!

– Я случайно, – сказал Гомер. – Я не собирался запускать волчок в ваши камешки.

– Да, – добавил Фредди, – волчок Гомера просто отскочил от пушек и прокрутился вокруг памятника...

– Гомер Прайс, ты запустил так свой волчок нарочно! – крикнула Джинни Ли и приготовилась со всей силы швырнуть волчок Гомера.

– Смотри, кто идёт, – вдруг воскликнул Фредди и показал на ту сторону площади.

– О, да это же дедушка Гомера – Геракл! – обрадовалась Джинни Ли и забыла про волчок.

– Да, он самый, – подтвердил Гомер, глянув на высокого, худого человека, решительно направлявшегося в их сторону.

– Так быстро только он может ходить! – восхитился Фредди.

– Да, для своего возраста дедушка развивает неплохую скорость, – согласился Гомер. – Но он говорит, что это ничто по сравнению с тем, как быстро он ходил в юности.

– А сколько вообще лет дедушке Герку? – спросил Фредди. – По нему не поймёшь, пятьдесят ему или девяносто.

– Дедушка говорит, что перестал считать свои дни рождения после девяноста девяти, но ты ж его знаешь, никогда не известно, правду он говорит или одну из своих историй рассказывает.

– А сегодня, как думаешь, Гомер, он расскажет историю? – спросила Джинни.

– Он всегда находит повод вспомнить какую-нибудь историю, – сказал Гомер. – Главное, чтобы его никто не перебивал.

– Вот оно как! Ну здрасте, мальчики и девочки, – провозгласил дедушка Геракл, взлетая по ступеням.

– Доброе утро, дедушка Герк! – поздоровался Гомер.

– Здравствуйте, дедушка Герк! – сказал Фредди.

– Расскажите нам историю, дедушка Герк! – попросила Джинни.

И уже через секунду все мальчики и девочки собрались вокруг дедушки Геракла в ожидании истории.

– Не собирался я мешать вам крутить волчки, прыгать через верёвочку и играть в камешки, – сказал старик, усаживаясь и вытягивая длинные ноги. – Кстати, откуда все эти волчки и битки взялись?

– Мы их получили бесплатно, – сказала Джинни, показывая биток и камешки.

– За так! – добавил Фредди. – Из «Ай-да палочек»!

– Как-как? – Дедушка Герк сложил ладонь ковшиком и приложил к здоровому уху, чтобы лучше слышать.

– Из завтраков «Ай-да палочки». Берёшь коробку с завтраком «Ай-да палочки», отрываешь картонную крышку, пишешь на ней своё имя, отправляешь по почте и тебе присылают биток и камешки или волчок, – пояснил Гомер.

– А, понятно, – сказал дедушка Геракл. – То есть вы покупаете в магазине коробки с завтраками, чтобы получить волчки?

– Нет, – ответил Гомер. – Дядя Одиссей закупил для кафе целую партию «Ай-да палочек» и раздал нам картонные крышки от упаковок, чтобы волчков хватило на всех.

– О, помнится, я однажды накопил крышечек от жестянок с жевательным табаком и получил за это музыкальную шка тулку. Отличная была музыка! – дедушка Геракл задумчиво потёр подбородок.

Дети смотрели на дедушку Герка во все глаза – если он

вот так потирает подбородок, значит, жди истории.

– Может, с той музыкальной шкатулкой связана какая-то история? – нетерпеливо спросила Джинни.

– Да вроде нет, – задумчиво сказал дедушка Геракл.

– Может, с крышечками от жевательного табака? – предположил Фредди.

– Нет. Но всё это прыганье и кручение напоминает мне кое о чём. – Старик всё тёр задумчиво свой морщинистый подбородок, а дети уже расселись на ступенях, приготовившись слушать.

– Давненько это было. Примерно когда Огайо присоединился к Штатам или около того. Я был молодой парень – вроде нашего Гомера, и мы осваивали земли в новом штате – с отцом, дядей и кузенами. Женщин оставили дома, под Филадельфией, сначала надо было устроиться и обработать пару-тройку акров. Всё-таки нашими новыми соседями были индейцы, и мы решили, что неплохо будет сначала с ними познакомиться, а потом уже женщин перевозить. Через горы мы перешли пешком, а потом спроворили плот из брёвен, чтобы спуститься вниз по течению Кёрбстоуна и выбрать себе симпатичное местечко у берега. Мы плыли день или два, и как-то утром наш плот встал намертво посреди реки. Сначала мы решили, что наткнулись на камень или корягу, и давай тыкать шестами, но скоро поняли, что дело серьезнее: плот сел на мель. Дно там было выше ненамного, примерно на одну такую ступеньку, – старик показал рукой на ступени

памятника, – но ещё течение нас прижало, так что плот сел крепко, не сдвинешь. Мы слезли, взяли вёдра и принялись черпать воду и грязь со дна, чтобы выплеснуть их вверх по течению. Весь день мы черпали и плескали, плескали и черпали, но вода и грязь возвращались назад, и мель не убывала ни на дюйм. Ну никак не получалось сдвинуть плот с мёртвой точки. Мои кузены прошли ниже по течению и построили другой плот. Они решили сплавиться на нём дальше, к реке Огайо, но мой отец заявил, что это место ничем не хуже прочих, и мы остались прямо тут.

Мы построили небольшой домик на холме. Вы, наверное, все там бывали – это то место, где старый канал выходит из Кёрбстоуна. Канал соорудили через несколько лет – чтобы лодки могли обогнуть эту мель. Сейчас вы её уже не увидите – столько лет прошло! – ну разве только если свет прямо на неё упадёт. А может, после последнего наводнения её и вовсе смыло.

Дедушка Геракл задумчиво погладил усы и повторил: «Смыло, вовсе смыло эту мель».

– Так что насчёт прыганья и кручения? – спросил Фредди.



— Как раз перехожу к этому, — ответил дедушка Геракл, похлопывая себя по длинной ноге. — А ты, парень, — погрозил он Фредди пальцем, — меня не перебивай.

— Фредди просто напомнил, дедушка Герк, — сказал Гомер. — Он не собирался тебя перебивать.

— Ну да, так о чём я... — сказал дедушка Геракл и снова задумчиво потёр подбородок. — А, вспомнил, прыганье и кручение! Да, — начал он наконец свой рассказ, — земля тут оказалась неплохая, и заселили её очень быстро, несмотря на сложности с индейцами. Уже совсем скоро все земли вверх и вниз по реке были заняты маленькими фермами. Большинство поселенцев отправляли свою свинину, рожь и кленовый

сироп на тот берег и дальше по реке Огайо – в Новый Орлеан на продажу. И так как все баржи, направлявшиеся в Новый Орлеан, должны были стартовать сразу за мелью, наше маленькое поселение на холме стало чем-то вроде местного погрузочного центра.

Бочек для перевоза солёной свинины теперь требовалось очень много, так что мы с отцом принялись их делать. И неплохо их мастерили на вершине холма. И вот как-то утром занимались мы своими делами, то есть резали клёпки и гнули обручи, и тут я совершенно случайно глянул на одну из бочек, которые мы закончили накануне. И увидел перо, торчащее прямо из неё! У меня, конечно, по спине холодок пробежал, потому как с той стороны пера как пить дать был индеец, спрятавшийся в бочке, чтобы при первом удобном случае добавить пару скальпов себе на пояс. Я дал отцу знак и глазом не успел моргнуть, как он уже прихлопнул эту бочку крышкой и уселся сверху, а я быстро схватил молоток и как следует приколотил крышку к бочке. Так что теперь у нас была бочка со злющим индейцем, который вопил и колотил изнутри по крышке.

Дедушка Герк улыбнулся, потёр подбородок и вновь заговорил:

– Мы решили, что отправим его в Новый Орлеан на следующей же барже, и спокойно вернулись к изготовлению бочек. Я всё думал, ну и удивится же кто-нибудь, когда откроет бочку, а там вместо солонины индеец! Мы работали се-

бе дальше, а индеец всё стучал и раскачивался в бочке. Мы смеялись и не обращали на бочку внимания, пока не услышали совсем уж громкий стук. И тут мы увидели, что бочка перекатилась через ограду и теперь катится вниз по холму! Вот оно как! Представляете, эта бочка с индейцем катилась, прыгала и крутилась вниз по холму с бешеной скоростью, а потом врезалась в платан на берегу реки – и, хотя это была очень даже крепкая бочка, разлетелась на щепки. Точно вам говорю, вот прямо на щепки развалилась!

Дедушка Герк засмеялся.

– А этот самый индеец допрыгал в бочке аж до самого Кёрбстоуна! Мы так смеялись! Просто не могли остановиться, хоть нам и было немного не по себе – после этой истории у нас опять могли начаться неприятности с индейцами. Никогда не видел такого жалкого индейца, как тот, что выбрался из реки весь мокрый и, что-то бормоча, скрылся в лесах.

Утром мы решили, что началось! Потому что уже два пера торчали из двух наших бочек. Вот те на! Но, Господь свидетель, мы не растерялись и снова проделали тот же номер: крепко заколотили их в бочках, и – кто бы сомневался! – они тоже умудрились дотолкать свои бочки до холма, скатиться с него со свистом, точно так же, как и первый индеец, врезаться в платан и отскочить от него напрямиком в реку. Вот оно как! Кончилось тем, что мы каждое утро перед работой должны были заколачивать парочку индейцев, чтобы они скатились в реку! Представляете, тот первый индеец

вернулся в своё племя и похвастался, как он крутился в бочке и как у него от этого голова кружится. И теперь, конечно, все храбрецы племени должны были повторить его подвиг, это сделалось вроде как почётным. Чем дальше, тем сложнее было справляться с работой и со всеми этими краснокожими, которые ходили вокруг и ныли, что хотят прокатиться в бочке. И вот наступил момент, когда мы уже не успевали делать бочки для крутящихся индейцев! Гора обломков росла под платаном, и в конце концов моего отца осенило. Мы сделали очень-очень крепкую бочку и поставили её на ось, потом взяли кожаные ремни и прицепили всю конструкцию к нашей мельнице. Точно вам говорю – это было самое безумное изобретение из тех, что я видел на своём веку, но, Господь свидетель, это работало! Когда дул ветер, мой отец нажимал на рычаг, и бочка начинала вертеться не хуже твоего волчка. Мы с отцом брали с индейцев шкуру буйвола за один заезд в нашем изобретении, и оно быстро прославилось как Вертушка. Конечно, мы принимали в оплату и другие меха – лису, бобра, скунса, норку. Вскоре мы отправляли эти шкурки тюками! В безветренный день у нас скапливалась очередь из пятисот-шестисот индейцев, молившихся, чтобы ветер подул, и посильнее, и они хорошенько прокрутились бы в нашей Вертушке.

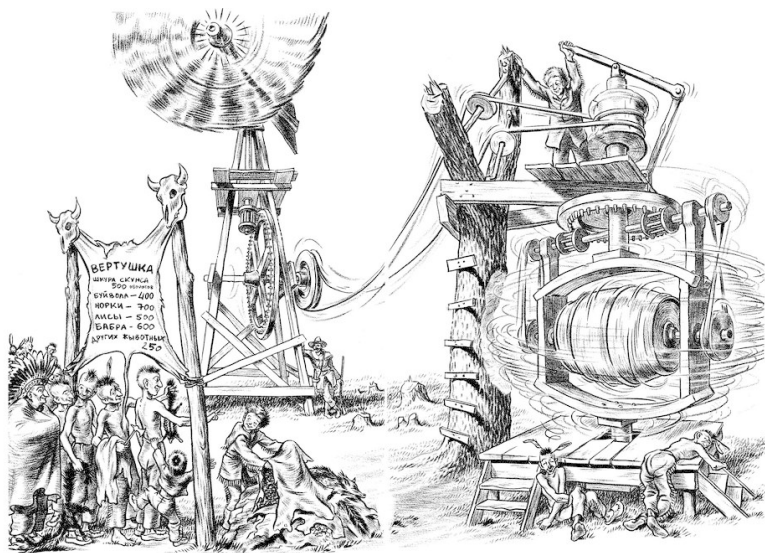


Мы, конечно, усовершенствовали наш аттракцион. Например, поливали клиента водой, когда он выходил из бочки, – вместо падения в реку, потому что индейцам казалось, что нужно не только чтоб голова кружилась, но и хорошенько промокнуть, иначе совсем не то.

Краснокожим очень нравилось: хлебом не корми, дай покататься на нашей Вертушке. Кстати, к вопросу о кормёжке, – сказал дедушка Геракл, вставая и потягиваясь во весь свой огромный рост, – пойдёмте-ка в кафе Одиссея, куплю вам всем по пончику.

И дедушка Геракл отправился в кафе на такой скорости,

что спешившим за ним детям то и дело приходилось переходить на бег.



– Вот оно как! – вскричал дедушка Геракл, взмахом длинной руки распахивая дверь. – Здравόво, Одиссей! Хорошего дня, шериф! Ну-ка, отложите свои шашки и обслужите покупателей! – потребовал он, указывая на вереницу мальчиков и девочек, которая следовала за ним.

– Привет, дедушка Герк! – сказал Одиссей. – Могу поспорить: ты опять рассказываешь одну из своих историй!

– Геракл, и не надоело тебе их рассказывать? – добавил шериф.

– Конечно, нет! – сказал дедушка Геракл. – И помнится, шериф, когда вы с Одиссеем были такими же малышами, от горшка два вершка, вы тоже, бывало, сидели на ступеньках и слушали мои истории. Давай-ка, Одиссей, всем по пончику, – постучал по прилавку дедушка Геракл. – Точно тебе говорю, ты стал какой-то медлительный в последнее время, наверно, мало двигаешься. А всё из-за этих модных штукотин, которые делают за тебя половину работы. – Дедушка Геракл взял десяток пончиков с подноса, который принёс Одиссей, и сказал: – Большое спасибо, Одиссей. Ну-ка, мелочь, все сюда!

– Дети, хотите я насыплю вам миску «Ай-да палочек» в придачу к этим пончикам? – предложил Одиссей.

Услышав дружное «нет», Одиссей грустно покачал головой:

– Что же я буду делать с шестью дюжинами коробок «Ай-да палочек» без волчков? Семьдесят две коробки «Ай-да палочек», которые с каждым днём становятся всё черствее, а ведь никто из моих посетителей не ел их, даже когда они были свежими!

– А знаешь что, Одиссей, – сказал дедушка Герк, – мои куры не очень-то переборчивы, могу скормить им на завтрак и 72 коробки «Ай-да палочек», а взамен получишь дюжину яиц.

– Договорились! – обрадовался дядя Одиссей. – А то в прошлом году мне пришлось выкинуть 72 коробки «Бойких колечек».

– Помню, как же, – проворчал шериф, – и все дети в городе пуляли из пистолетов «Бойкие колечки», ни минуты без того, чтобы кто-нибудь не закричал «пиф-паф» сад намым пухом – то есть над самым ухом.

– И как вам не стыдно, – спросил детей дедушка Герк, усмехаясь, – так пугать представителя закона?

– Так, Геракл! – завопил шериф. – Я...

– Дедушка Геракл, – решил быстро, пока не началась перепалка, сменить тему Одиссей, – я не далее как вчера про тебя вспоминал! Увидел в одном старом журнальчике фотографию человека, который несёт быка на плечах.

– Вот оно как! – воскликнул дедушка Геракл. – Это же мой старый фокус. В моё время все так делали. Ты, значит, начинаешь поднимать животное, пока это ещё телёночек, и поднимаешь его каждый день. Животное растёт и растёт, с каждым днём делается всё тяжелее и больше, и вот, оглянуться не успел, а ты уже поднимаешь огромного быка, и тебе это нипочём! Одиссей, а ты считаешь, сколько мы съели пончиков? – спросил дедушка Герк и повернулся к детям: – Не скромничайте, ребятня, берите ещё! – Да, а вот лошадь поднять довольно-таки сложно. И тут не в весе дело, просто у этого животного ноги очень длинные, так что только по-настоящему высокий человек может тут сдюжить. Когда-то

я был единственным парнем в этой части штата, кому хватало на это роста. Нет, поднять лошадь на плечи много кто мог, но только я делал это стоя на земле, а не забравшись на пень! Это, кстати, напоминает мне ту зиму, когда мы с Джебом Эндерсом везли соль в Цинциннати.



У нас было две лошади и фургончик, забитый под завязку, пожалуй, не надо было нам столько туда грузить. Тащимся мы, как можем, по нашей старой дощатой дороге, и на пути у нас мост. Мы с Джебом, как на него глянули, сразу поняли – нашу повозку мост не выдержит.

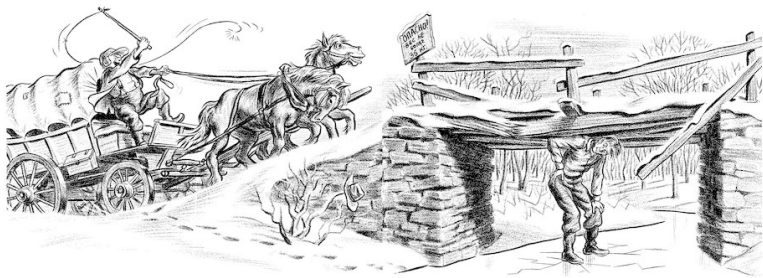
– Герк, – говорит мне Джеб, – а давай мы эту речушку по льду переедем?

Но я не согласился:

– Джеб, слушай, этот лёд и так двух лошадей не выдержит, а уж с солью и подавно. Животные просто провалятся под

лёд и ноги себе переломают. Давай вот что сделаем: я встану на лёд и буду подпирать мост изо всех сил, пока вы по нему не проедете.

Я слез на лёд, встал под мост и подставил спину под эти старые балки. А Джеб сказал «Но!», и наша повозка погромыхла вперёд. Вот оно как! Балки скрипели и стонали, но я удержал всю конструкцию – и лошадок, и повозку с солью, и Джеба, который, между прочим, был не одуванчик какой-нибудь, свою пару сотен фунтов¹ он весил.



– Слушай, дедушка Герк, – прервал рассказ Одиссей, – я вот последние лет тридцать, с тех пор как услышал эту историю в первый раз, понять не могу: под тобой-то почему лёд не провалился, с таким весом на плечах?

¹ Фунт – американская мера веса, равная примерно 450 г. То есть Джеб Эндерс весил примерно 90 кг.

– Да, Геракл, – усмехнулся шериф, – я тоже уж сколько лет про это думаю.

– А не надо потому что меня перебивать своими замечаниями, – рассердился дедушка Геракл. – Не дают закончить историю! Конечно, подо мной провалился лёд, когда фургончик был примерно на середине моста, и мне пришлось стоять в воде, пока эта чёртова штука не оказалась на другой стороне.

А холодная она была, что пятки водолаза! Меня аж кололо всего, когда я на берег выбрался. Но Джеб развёл костер, чтобы высушить мои сапоги и штаны, пока они на морозе не встали колом. И представляете, когда я стаскивал сапоги, в них обнаружилась пара отличных сомов – по одному в каждом сапоге! Вот оно как. Мы их сразу и зажарили, пока моя одежда сохла.

– Погоди, Геракл, – шериф попытался перекричать смеющихся мальчиков и девочек, – ты поменял конец истории!

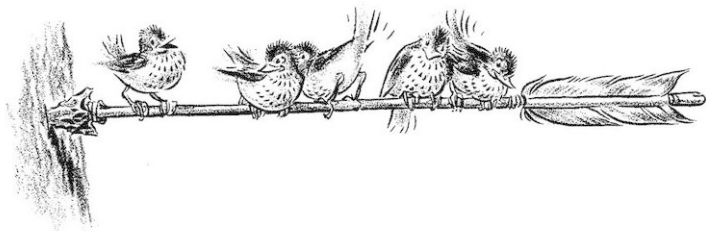
– Да, – сказал Одиссей, – нам ты по-другому рассказывал, когда я был маленький.

– Дело в том, – сердито проговорил дедушка Геракл, – что истории, как и люди, стареют и меняются с годами. Всё дело, ребята, в постоянных тренировках. Вот вы постарели и потеряли чувство юмора, а эта история с годами делается только лучше!

– Ну не сердись, Геракл, – попросил шериф. – Просто уточнить хотели.

– Мы не хотели тебя обидеть, – сказал дядя Одиссей. – Давайте-ка я вам ещё пончиков дам. Угощаю! А ты, дедушка Герк, расскажи-ка нам ещё одну историю – как тебе нравится, так и расскажи. Потому что клиент – я всегда говорю, – клиент, он всегда прав!

Воробьиное время



Все съели ещё по пончику, и дедушка Герк немного успокоился. Шериф и дядя Одиссей вздохнули с облегчением. Судя по их лицам, они оба вспоминали, что было, когда дедушка Геракл рассердился в последний раз.

– Так вы тогда довели соль до Цинциннати? – спросила Джинни Ли.

– Когда моя одежда подсохла, – сказал старик, – и все сомы были съедены, мы с Джебом снова отправились в путь. Дорога шла через холмы, а потом надо было проехать через Восточный Мортонсберг и Спэрроу Кортхаус². Вот это был городок! – усмехнулся дедушка Геракл. – Его жители всегда ужасно важничали и требовали, чтобы город сделали столи-

² Слово спэрроу (sparrow) значит «воробей», а слово кортхаус (courthouse) в американском английском означает здание суда и главный город округа.

цей штата и окружным центром! Притом, точно вам говорю, жителей там было от силы семьёй четыре, а воробьёв – тысяч сорок, не меньше! Вот оно как. И, как я уже сказал, очень уж они там все важничали. Центральную улицу сделали широченной, такая бы подошла городу размером с Нью-Йорк, и поставили на ней дюжину домов, магазин и здание суда. Ну и странно же он смотрелся, этот суд, – чисто свадебный торт в самом конце грязной улицы.

Мы, поселенцы, привыкли жить по солнцу – часов западнее Филадельфии ни у кого не было, разве только парочка в Цинциннати. Мы вставали с рассветом и ложились с последним вечерним «кукареку», а обедать шли, когда понимали, что голодны. Но не таковы были жители Спэрроу Кортхауса, нет. Они, конечно, должны были водрузить на башню своего здания суда часы. Притащили их аж из Европы, перевезли через горы на телеге, запряжённой волами. Ох и гордились же они своими часами! Всё по ним делали – и спали, и ели, ну просто всё.

Когда мы с Джебом притащились вместе со своей солью в Спэрроу Кортхаус, часы как раз пробили одиннадцать.

– Джеб, – сказал я, – похоже, мы попали сюда как раз к обеду.

Едем мы по этой их широченной центральной улице и видим, что магазин закрыт наглухо, и кафе тоже, и во всех окнах занавески задёрнуты. И даже знаменитое здание суда выглядело как напуганная черепаха, накрывшаяся панцирем.

Мы с Джебом сразу схватились за винтовки – не иначе ждут нападения индейцев! Вот оно как. Вылезли мы из своей повозки и стали разведывать, что стряслось. И тут, Господь свидетель, мы понимаем, что все до единого жители этого городка лежат преспокойно в своих кроватях и храпят во всю глотку! Индейцы тут были ни при чём, это мы с Джебом сразу поняли, – потому как все скальпы были на месте. Если б мы с самого начала не волновались насчёт краснокожих, то и раньше бы дотумкали, в чём дело, – храп перекрывал даже чирикание сорока тысяч воробьёв.

– До чего же странно! – удивился Джеб.

А я сказал:

– Джеб, не так уж мы и торопимся доставить соль в Цинциннати, давай тут подзадержимся и посмотрим, что к чему.

Сели мы в свою повозку и стали ждать; давно уже за полдень перевалило, и Джеб стал нервничать – очень уж раздражал весь этот писк и чирикание сорока тысяч воробьёв. Но мы всё ждали и ждали, и когда часы пробили шесть, город начал возвращаться к жизни. Люди просыпались, доили коров, рубили дрова, зажигали каминь. Мы с Джебом зашли в открывшееся кафе, расположились там и попросили хозяина принести нам ужин. «Ужин? Ужин! Но мы собираемся подавать завтрак!»

– Пффф, – фыркнул Джеб. – Вы что же, подаёте завтрак, когда стемнеет?

– А вы, друг мой, взгляните на часы, что на здании суда.

Они тикают себе и скоро пробьют восемь утра. А вон, смотрите, наша малышня идёт в школу.

Хозяин кафе смотрел на нас с таким недоумением, что мы тоже стали думать, вдруг всё и на самом деле, как он говорит. К тому же голод не тётка, так что мы не стали спорить и съели яичницу с ветчиной. А потом уж принялись выяснять у хозяина, как так вышло, что в Спэрроу Кортхаусе времени девять утра, а за окном темень, чёрная, как лакричный леденец в мешке с углём.

– Друзья мои, – сказал он, – вскоре после того, как нам доставили эти прекрасные часы, мы поняли, что наш город – удивительное место. Уже месяца четыре, как мы впервые заметили, что вечером темнеет, а утром светает всё раньше. Пару месяцев назад темнеть начало к полудню, а утро наступало посередь ночи. И солнце, друзья мои, постепенно при-
норовилось вставать ночью и садиться по утрам!

– До чего же странно, – проговорил Джеб. – И ведь ни в каком другом уголке штата Огайо солнце так себя не ведёт.

– Конечно, нет, потому что это удивительный *фуномен*! – сказал хозяин, приняв довольно-таки важный вид. – Спэрроу Кортхаус – единственный город в Соединённых Штатах Америки, в котором светло ночью и темно днём! Мы даже думаем написать *путицию* Президенту, чтобы тут сделали заповедник «Парк Спэрроу Кортхаус».

– Дорогой мистер, – сказал я, – я бы на вашем месте попросил в этой *путиции* разрешения называть ваш чёрный

день ночью и белую ночь днём!

– Да уж, – кивнул Джеб, – ужасно неудобно небось всю ночь прятаться за занавесками от солнца, а потом весь день ходить с фонарём, потому что не видно ничего!

Слово за слово, и мы уже вовсю спорили с этим хозяином кафе.

Я сказал, что, если б я жил в Спэрроу Кортхаусе, я бы спал сколько положено днём и занимался своими делами ночью. От этого хозяин кафе прямо рассвирепел.

– Да кто же это спит днём! Это противоестественно! Ну и что, что темно! – кричал он на меня.

Я уже тоже порядком разошёлся и вопил:

– Шарахаться в темноте тоже противоестественно, даже если это день!

– Пффф, – фыркнул Джеб, – чего с ним спорить, пойдём поспим лучше.

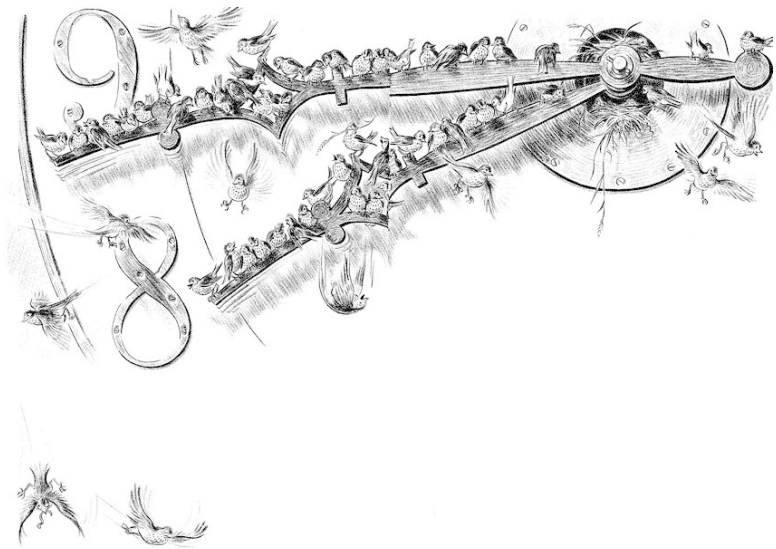
Вот оно как. Хорошенько выспавшись, мы встали следующим вечером. Воробьи вовсю чирикали, солнце стояло над холмами, а мне в голову пришла одна идейка. Но я помалкивал, пока мы не поужинали.

– Дорогой мистер, – начал я осторожно, – я дотумкал, отчего в Спэрроу Кортхаусе тёмные дни и светлые ночи. Солнце ведь не проказничало, пока вы не привезли себе ваши прекрасные часы и не водрузили их на здание суда, так что, думаю, эти ваши часы отстают!

– Ну нет, – сказал хозяин кафе. – Мы заказали их в Евро-

пе, перевезли через горы на телеге, запряжённой волами, и дело точно не в них! Это солнце постепенно стало вставать всё раньше и раньше, а часы тут совершенно ни при чём.

— Послушайте, мистер, — сказал я, — что-то нарушает работу ваших прекрасных часов, которые вы заказали в Европе и перевезли через горы на телеге, запряжённой волами. Вы просто гляньте на эти часы, которые показывают без четверти восемь. Это же ясно как день, что сбивает их с толку. Ваши часы идут так же ровно, как пьяница по дороге домой из бара. Воробьи уселись на стрелках, и тянут их вниз, и мешают вашим прекрасным часам отсчитывать время!



Вот тут этот дядя удивился.

– Избавьтесь от воробьёв, и у вас больше не будет тёмных дней и светлых ночей, – сказал я.

И мы с Джемом усадились в свою повозку и повезли дальше свою соль, оставив хозяина стоять с разинутым ртом – мы даже волновались, как бы туда воробей не залетел. А то и парочка!

Вот оно как. Я был прав насчёт тех воробьёв на стрелках. Следующей зимой мы с Джемом ехали через Спэрроу Корт-хаус, и дни у них были ясными, а ночи тёмными, как и поло-

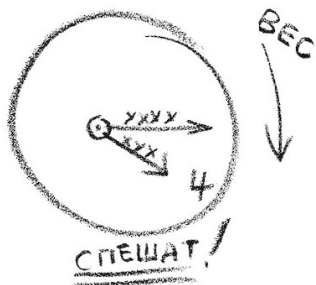
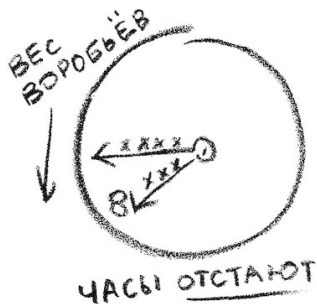
жено. Хозяин кафе сказал, что после того, как мы им объяснили, что к чему, они подождали ещё четыре месяца, пока воробьи не задержали ход часов достаточно для того, чтобы дни стали наступать днём, а ночи ночью, и купили себе пару ястребов-перепелятников, воробьёв пугать. Поселили их на башне – и с тех пор ни одного тёмного денёчка у них не было! Но беды жителей Спэрроу Кортхауса на этом не кончились! Они страшно распереживались, что, пока из-за воробьёв часы так сильно отставали, у города потерялся целый день. Но мы с Джебом им сказали, чтоб они немного потянули время, и, когда через пару лет наступит високосный год со своим лишним днём, – всё у них выровняется.

Дедушка Геракл зорко посмотрел на юные лица своих слушателей и на пустое блюдо из-под пончиков. Но прежде, чем он потребовал ещё порцию, дядя Одиссей сказал: «Да, ещё одна история, которая не даёт мне покоя все эти годы».

– Ой, ладно тебе, Одиссей, – насмешливо произнёс Геракл. – Смотри, ребята вот всё правильно поняли, да? И ни капельки не беспокоятся, так что не надо мне рассказывать, что мой взрослый внук не в состоянии увидеть так же ясно, как нос на собственном лице, что всё дело было в воробьях, оттягивавших вниз стрелки часов! Да, именно воробьи сбивали с толку жителей Спэрроу Кортхауса и поменяли день на ночь, а ночь на день!

– Но я никогда не мог понять, – гнул своё Одиссей, – одну вещь: раз воробьи оттягивали стрелки вниз, когда они шли

вверх к двенадцати, – ну, как когда без четверти восемь, например, то почему часы не начинали идти быстрее, когда воробьи давили на стрелки своим весом в сторону шести, как вот, например, в четверть пятого? – Тут дяде Одиссею пришлось нарисовать схему на салфетке, чтобы всем было понятно.



Дедушка Герк задумчиво тёр подбородок.

– Геракл, – сказал шериф, – тебе всё же придётся признать, что если добавить, а потом вычесть вес воробьёв, то часы будут идти пак коложено! Тьфу, то есть как положено!

– Снова здорово! Вам двоим, я смотрю, не терпится испортить мою историю, – вскричал дедушка Геракл. – Да вам вместе взятым меньше лет, чем я её рассказываю! Да я вам сейчас!.. – и тут дедушка Геракл начал закатывать рукава.

– Слушай, а может, воробьи просто улетали поесть каж-

дые полчаса? – предположил Одиссей, уворачиваясь от острого дедушкиного локтя.

– Да, это же всё объясняет! Зря мы про это заговорили, – сказали шериф и дядя Одиссей из-под прилавка.

– Вы двое, – пробурчал дедушка Герк, усаживаясь на свой стул, – напоминаете мне одного сумасшедшего, который, уплетая пончик, так сильно распереживался, куда же девается дырка посередине, что довёл себя до расстройства желудка.

– Только не принимай слизко к бердцу, тьфу, близко к сердцу, мы просто хотели уточнить некоторые детали.

– Тяжело, когда твоим словам не доверяют, – сказал дедушка Геракл. – По нынешним временам у рассказчика и так хватает проблем – устоять против всех этих Супер-Дуперов, ракет и прочих новомодных штучек. Если вас что-то не устраивает, я могу и перестать рассказывать ребятам о том, как в молодости...

Тут дедушка Геракл остановился, потому что открылась дверь и в кафе дядюшки Одиссея вошли двое мужчин.

– Всем привет! – сказал один из них. – Этот кабак выглядит как раньше, не считая того, что под завязку забит детьми.

– О, да это же мистер Габби! – сказал Гомер.

– Он самый, – сказал мистер Габби. – А это, – представил он своего спутника, – мой партнёр Макс.

– Похоже, дела в рекламном бизнесе идут неплохо, мистер Габби, – сказал дядюшка Одиссей.

– Мы тебя даже не узнали в таком модном костюме, – добавил шериф.

– Шикарный наряд, да? – улыбнулся мистер Габби, смахнув пылинку с рукава. – Теперь перед вами уже не тот мистер Габби, которого вы знали, а совсем другой, в новой двубортной упаковке в тонкую полоску! Я больше не занимаюсь уличной рекламой. Я теперь не мистер Сандвич, а член правления. У нас с Максом своя собственная рекламная фирма. Мы занимаемся упаковкой.

– Вот это да, мистер Габби! Звучит серьёзно, – сказал Гомер.

– «Звучит серьёзно»?! – откликнулся мистер Габби. – Да это самая серьёзная работа на свете! Когда какая-нибудь компания выпускает новое мыло, или пасту, или кетчуп, мы с Максом придумываем, в какую обёртку, тубик или бутылку их засунуть, чтобы люди захотели это купить.

– Помню времена, когда всё продавали в бочках и бочонках, – заметил дедушка Геракл. – Немало я их наделал в своё время.



– В своё время годились и бочки, – сказал мистер Габби. – Но в современном мире в бочках ничего не продашь.

– Во-первых, бочки не привлекательны, – вступил Макс. – Во-вторых, в наш современный век никто не будет мечтать о том, чтобы купить что-то в бочке.

– Ты совершенно прав, – сказал мистер Габби. – Даже если ты завернёшь эту бочку в целлофан, всё равно не продашь. И крышку от бочки со своим именем в конверт не вложишь.

А значит, никаких тебе конкурсов или подарков.

– А что, вы и конкурсы придумываете, мистер Габби? – спросил Фредди.

– А то! – ответил мистер Габби с довольной улыбкой.

– Значит, это вы придумываете, что подарить в обмен на крышки от коробок? – спросил Гомер.

– Именно этим и занимаюсь, сынок, – ответил сияющий мистер Габби. – Макс, – скомандовал он, – расскажи им про «Пловцов-ловцов»!

– «Пловцы-ловцы», – начал Макс с воодушевлением, – это совершенно новый вид сухого завтрака.

– Завтрак пловцов-чемпионов, – добавил мистер Габби.

– Каждый кусочек – водонепроницаемый! – воскликнул Макс.

– Так и есть, – кивнул мистер Габби. – Они так хорошо держатся на плаву, что сразу и не проглотить! Мы для этих хлопьев придумали коробку с выпуклой крышкой, – продолжил он. – Посылаешь её нам по почте и в ответ получаешь надувные нарукавники.

– И это ещё не всё! – подхватил Макс. – Ты ещё получаешь резиновые ласты.

– Плыви с «Пловцами-ловцами»! – пропели в унисон Макс и мистер Габби.

– Где-то я уже это слышал, – нахмурился дядюшка Одиссей.

– Нет, – твёрдо сказал Макс. – Вы совершенно точно ни-

чего такого не слышали.

– Потому что мы только вчера это придумали, – сказал мистер Габби, – и даже ещё не напечатали ни одной коробки. Мы сейчас собираемся уговорить Билли Бицепса поддержать «Пловцов-ловцов».

– Как, того самого пловца-чемпиона, который снимается в кино?! – воскликнул Фредди с восхищением.

– Да, сынок, мы попросим единственного в своём роде Билли Бицепса порекомендовать покупателям «Пловцов-ловцов», – ответил Макс. – Мы как раз зашли к вам по дороге на пресс-конференцию Билли, где собираемся заручиться его поддержкой.

– Да-да, мы едем в Калифорнию, в старый добрый Голливуд, чтобы заключить сделку с Билли, – гордо сказал мистер Габби.

– Давай уже поедим и поедем, – нетерпеливо сказал Макс. – Мне, пожалуйста, дежурное блюдо!

– И мне, – сказал мистер Габби.

И пока дядюшка Одиссей готовил заказ, мистер Габби запел себе под нос: «Жди меня, Калифорния!»

В поисках золота

– Это мне напоминает одну историю, которая произошла со мной в Калифорнии, – сказал дедушка Геракл.

– Да? – без особого интереса спросил Макс.

– Да! – ответил дедушка Геракл. – Немало времени я провёл тогда в Калифорнии, промывая золото.

– Да? – спросил Макс.

– Да! – продолжил дедушка Геракл. – В те времена в Калифорнии водилось золотишко. И сдаётся мне, я не сплеховал.

– Вы правда нашли золото? – оживился Макс.

– Нашли, ещё как нашли! – ответил дедушка Геракл. – Да у нас этого золота было завались!

– Расскажите, папаша, – сказал мистер Габби.

– Вот оно как, – начал дедушка Геракл. – Это Попрыгунчик решил, что пора нам с ним отправиться на Запад искать золото. Имя его, конечно, было не Попрыгунчик, а Джордж. Джордж Мак-Туд. Но все звали его Попрыгунчиком, потому что он всё время дёргался и подпрыгивал, как жаба в чертополохе. Вот оно как, значит. Попрыгунчик Мак-Туд решил, что пора нам попытать удачи в поисках золотишка. Пришёл он как-то ко мне и говорит: «С тех пор как индейцы ушли, стало нечем заняться. Давай-ка двинем на Запад, поищем золото. Собирай своё барахлишко!» А мне уже и самому

до смерти надоело клепать бочки и соль продавать. Сентерберг стал настоящим городом, даже шерифа завели. Заняться ему, правда, было нечем, так что он просто сидел и целыми днями играл в шашки, прямо как сейчас.

– Чёрт подери, Геракл, это не так! – вклинился шериф.

– Ты мне историю дашь рассказать? – нахмурился дедушка Геракл. – Или мне придётся...

– Ладно-ладно, – нетерпеливо сказал мистер Габби, – значит, вы с этим Попрыгунчиком отправились искать золото. А дальше что было?

– Короче говоря, мы с Попрыгунчиком добрались до Цинциннати и сели на «Огайскую невесту», – продолжил дедушка Геракл. – Отличный был пароход, один из лучших от Цинциннати до Сент-Луиса, а уж трубы у «Невесты» были...

– Ну, папаша, – опять прервал его мистер Габби, – давайте пропустим рекламную паузу, мы ведь не собираемся покупать эту «Невесту». Что там с золотом?

– Так, мистер, я вам не советую меня перебивать, – грозно сказал дедушка Геракл. – Три месяца добирались мы с Попрыгунчиком до западного побережья, и рассказывать эту историю не по порядку я не собираюсь, ясно? – Дедушка обвёл взглядом кафе и продолжил: – Ну и вот, через три месяца пути мы с Попрыгунчиком добрались до Калифорнии. Купили себе пару некрупных мулов, кирки, лопаты и лотки, в которых промывают золото. А ещё много кожаных мешочков, чтобы было куда складывать самородки. Ну и, конечно,

прежде чем двигать в горы, запаслись провиантом. Некоторых послушаешь, так можно подумать, что искать золото было очень трудно. Но тут всё дело в том, чтобы знать, где смотреть. В Калифорнии даже не нужно было знать, где смотреть, нужно было просто идти, куда все идут. Вообще-то надо было очень постараться, чтобы не найти это чёртово золото. В некоторых городках люди даже строили с опаской – а то найдётся золото на заднем дворе, и придётся дом сносить и весь двор промывать, чтобы добыть его оттуда. Вокруг приисков уже было полно городов и поселений, и люди там вели себя так нелепо, что мы с Попрыгунчиком решили поискать себе местечко подальше, в горах, и там мыть своё золото. Вот оно как. Дошли мы до какого-то богом забытого места, вокруг ни души, зато есть симпатичный ручей у подножья высокой скалы.

– Попрыгунчик, – сказал я, – давай разобьём лагерь у подножья этой скалы. Что-то мне подсказывает, что здешняя грязь только и ждёт, чтоб мы её хорошенько промыли.



И да, там было золото, у подножья этой скалы. Плюнь-те в лицо тому, кто скажет, что золото сложно найти. Да не сложнее, чем бревно с места на место перекатить. Эта жёлтая ерунда разбросана повсюду, как пятна на пеструшке.

Дедушка Герк наклонился к мистеру Габби и потрепал его по руке:

– Да, в те дни нужно было быть полным идиотом, чтобы не наткнуться хотя бы на небольшую кучку золота, если ты, конечно, его искал.

– Да-а-а, папаша, от ваших историй мухи дохнут на лету. Ни тебе бандитов, ни индейцев, ни проходимцев, претендующих на золото. Хоть бы, я не знаю, оказались в пустыне без воды...

– Ну всё! – взревел дедушка Геракл. – Сколько можно меня перебивать? То, о чём ты болтаешь, это самое обычное дело! Да в меня стреляли и я умирал от голода и жажды чаще, чем вы, парни, в кино ходите! Я же говорю, найти золото – раз плюнуть. Самое интересное начинается *потом*. И знаете, что смешнее всего? Никогда не угадаешь, как на человека это найденное золото повлияет. Кому-то не терпится потратить всё до последней крупинки, а другие копят золото, пока не наберут огромную кучу. Ещё бывают такие, кому позарез надо свою власть показать, эти сразу важничать начинают. А ещё я встречал парней, которые нет-нет да и задумаются: что они роют, зачем они выковыривают эту жёлтую ерунду из земли? И съесть её нельзя, и построить из неё ничего нельзя, и зимой от золота не согреешься, как от угля, и надеть его нельзя, если, конечно, не сделать из него себе вставную челюсть или ещё какую-то сверкающую штучку, без которой прекрасно можно обойтись.

Вот взять Попрыгунчика Мак-Туда, такой нетерпеливый парень. Я был уверен, что он в секунду всё потратит, но нет-то было. Он – ну кто б мог подумать! – оказался из тех, кто копят. Ну а я – из тех, кто сразу тратит, прямиком из лотка.

Вот оно как. Мы промывали и промывали. И должен вам сказать, друзья мои, что нет ничего интересного в промывании золота. День за днём ты только и делаешь, что берёшь пригоршни грязи и швыряешь их в лоток, потом опускаешь

его в воду и трясешь туда-сюда, пока песок и грязь не вымоются. И вот так ты трясешь туда-сюда, туда-сюда... И наконец на дне лотка видишь сияющий самородок. Или даже два. Золото просто очень тяжёлое, так что оно опускается на дно лотка, а не вымывается с грязью.

Так мы и сидели на корточках на берегу этого ручья, рыли, окунали и промывали. Когда самородок находил Попрыгунчик, он сразу клал его в один из маленьких кожаных мешочков, что висели у него на поясе. Сначала он наполнял самородками один мешочек, потом следующий и так далее. Как я уже сказал, Попрыгунчик был из тех, кто копит. Он постоянно пересчитывал свои маленькие мешочки с золотом и никогда не снимал с пояса – боялся, что сопрут. А у нас как раз в то время кофейник продырявился, и кофе в нём уже было не сделать, так что я хранил своё золото в нём. И каждую пару недель, когда он наполнялся, я седлал мула, отправлялся в город и тратил всё до последней крупинки – до самого дна кофейника. Потом возвращался назад, чтобы намыть себе ещё кофейничек, и смотрел, как Попрыгунчик пересчитывает свои маленькие кожаные мешочки. Чем больше золота находил Попрыгунчик, тем беспокойнее он становился и тем больше подпрыгивал. Найдёт несколько самородков с одной стороны ручья, положит в мешочек, прикреплённый к поясу, а потом – р-р-раз и перепрыгнет на другой берег. Там ещё нароет и тоже положит в мешочек.

Так вот, золото – штука очень тяжёлая, и эти мешочки у

Попрыгунчика весили всё больше, и ремень вместе со штанами болтался у него где-то на бёдрах. А рубашка взмывала вверх каждый раз, когда он перепрыгивал через ручей. Мешочки весили всё больше и больше, но Попрыгунчика это совершенно не волновало. Он промывал, копил и прыгал сначала с той стороны ручья, что был ближе к скале, потом – с другой. И вот сижу я как-то у нашего ручейка, и вдруг мне в голову приходит блестящая идея.

– Попрыгунчик, – говорю я ему, – такая водичка хорошая, я, пожалуй, искупаюсь.

– Чего?! – удивился Попрыгунчик и посмотрел на меня так, будто я совсем умом тронулся. – Да мы с тобой тут моем золото не больше четырёх месяцев, и я точно помню, что ты принимал ванну накануне нашего отъезда из Огайо.

– И нечего, малышня, смеяться, – сказал дедушка Герк Гомеру, Фредди, Джинни Ли и всем остальным детям, которые фыркали и хихикали. – Тогда мыло было не то что сейчас. Оно, может, было и не в такой красивой упаковке, зато, Господь свидетель, если уж ты им что-нибудь помыл, это что-нибудь оставалось чистым.

Мистер Габби уже открыл рот, чтобы возразить дедушке Гераклу, но, заметив блеск в его глазах, передумал.



– Да, – сказал я, – продолжил дедушка Геракл, – приму-ка я ванну. Снял одежду и вошёл в воду. – Давай со мной, – крикнул я Попрыгунчику на ту сторону ручья, – вода что надо! Попрыгунчик молча помотал головой, выковырял ещё один самородок из своего лотка и положил его в маленький кожаный мешочек на поясе. Потом он перепрыгнул на другой берег и снова начал промывать золото. Я плескался в своё удовольствие и смотрел, как Попрыгунчик намывает самородок с одной стороны ручья, потом прыгает и намывает ещё один – с другой. Потом он продвинулся вверх по течению и начал всё сначала.

– Попрыгунчик, – закричал я, – ты бы спустился вниз по

течению, а то я купаюсь в грязи, которая из твоего лотка выливается.

Попрыгунчик попрыгал вниз по течению. Ну и беспокойный же был парень! Допрыгав до места, где я купался, он вдруг остановился, переминаясь с ноги на ногу и теребя пуговицы на рубашке.

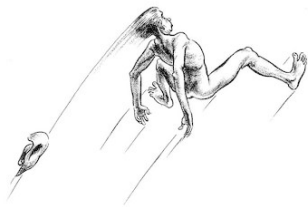
– Что, приятная водичка? – спросил он.

– Не то слово, присоединяйся! – ответил я.

– Ну, мне бы, конечно, хотелось, но я, пожалуй, не буду, а то простужусь ещё, – сказал Попрыгунчик, продолжая мяться на берегу.

Вот оно как. И тут я понял, что к чему! Попрыгунчик просто боялся, что если он пойдёт купаться и снимет свой пояс с мешочками хоть на минуту, его кто-нибудь обязательно сопрёт. Я же говорю, никогда не угадаешь, как золото повлияет на человека. Бедный Попрыгунчик, судя по всему, уже и во мне начал сомневаться. Я сел посередь ручья к нему спиной и сказал:

– Попрыгунчик, я закрою глаза и не открою их, пока ты не скажешь, что можно. А ты выбери какие-нибудь кусты, зарой там свой пояс с мешочками и спокойно иди купаться.



Я слышал, как он там возится в кустах, а потом он закричал: «Готово!» Я повернулся и увидел, как Попрыгунчик торопится к берегу без своего пояса. Он снял одежду и зашёл в воду. Я не знаю, то ли галька впивалась ему в ноги, то ли просто от нервов, но он, видимо, решил, что лучше зайти с другого берега. В общем, Попрыгунчик прыгнул! Божечки мои, вот это был прыжок! Я сидел в воде и видел, как Попрыгунчик Мак-Туд взмыл в воздух, он поднимался всё выше и выше и наконец приземлился, что твой голубь, прямо

на вершине скалы. Подпрыгнул на триста футов³, как через ступеньку перескочил.

– Да-да, так всё и было! – сказал дедушка Геракл громко, чтобы перекрыть восхищённый гул. – Да-да, Попрыгунчик Мак-Туд прыгал туда-сюда через этот ручеёк почти четыре месяца, и с каждым прыжком золото, которое он копил в своих мешочках на поясе, становилось тяжелее на один – два самородка. Когда ты постоянно тренируешься прыгать с тяжёлым весом на поясе, то, если снять его, можно и взлететь. И это ещё не всё, – заторопился дедушка Геракл, – Попрыгунчик Мак-Туд сидел там, на этой трехсотфутовой отвесной скале, абсолютно голый. Он не мог спрыгнуть и не мог слезть! Где-то милях в двадцати на север была тропа, по которой можно сойти, но прежде, чем он добрался бы до неё, он бы весь покрылся волдырями. Я попытался кинуть ему верёвку, но никак не мог добросить до вершины скалы. А Попрыгунчик уже начал жаловаться, что очень уж солнце припекает.

– Спрячься в тени какого-нибудь куста, а я придумаю, как тебя оттуда достать, – крикнул я.

Если Попрыгунчик дотуда допрыгнул, я тоже смогу, прикинул я. Надо только подготовиться и попрыгать туда-сюда вдоль ручья, с каждым прыжком поднимая чуть больше веса. У Попрыгунчика, конечно, ушла куча времени, прежде чем

³ 1 фут – 30,48 см. То есть бедняга Мак-Туд подпрыгнул примерно на сто метров в высоту.

он совершил свой большой прыжок. Но он то и дело останавливался, чтобы мыть золото. Я прикинул, что если буду только прыгать, а вместо самородков класть в карманы камни, то Попрыгунчик оглянуться не успеет, а я уже на скале. Понимаете, счёт шёл на часы. Он же там, бедняга, был на жаре, без еды и воды.

– Вот оно как! – дедушка Геракл говорил всё громче. – Я первым делом хорошенько подкрепился, чтобы больше не тратить на это время, и принялся прыгать. Перепрыгнул через ручей, положил камень в карман и прыг обратно. Ещё камень – и назад. Туда-сюда, туда-сюда, дедушка Геракл принялся раскачиваться на стуле.

И все дети, и мистер Габби, и Макс, и дядюшка Одиссей, и даже шериф тоже принялись раскачиваться на стульях туда-сюда, внимая дедушкиным словам.

– Мои карманы становились всё тяжелее и тяжелее, – напомнил дедушка Геракл своим качающимся слушателям. – Я чувствовал, как они тянут меня вниз... С каждым прыжком всё тяжелее... Туда-сюда, туда-сюда... Заполнил все карманы штанов, – уже почти пел дедушка Геракл. – Заполнил карманы рубашки... – Слушатели покорно раскачивались. – Положил пару камней в правый ботинок и всё прыгал туда-сюда, туда-сюда... Потом в левый ботинок. Туда-сюда, туда-сюда... Взял пару тяжёлых камней в правую руку... Потом пару камней в левую руку...

– И вот! – возопил дедушка Геракл, резко перестав ка-

чаться. — Я быстро содрал всю одежду, быстро обвязал верёвку вокруг пояса и быстро ка-а-а-к прыгну!

Глаза слушателей устремились за рукой дедушки Геракла прямо к потолку кафе и замерли на пятне в дальнем углу.

— Фух! — выдохнул старик, вытирая пот со лба, а потом медленно, как будто он был всё ещё потрясён после всех этих лет, прошептал: — И вот он я на вершине скалы с Попрыгунчиком Мак-Тудом.

— Да вы что! — опешил Макс.

— Да ну! — удивился мистер Габби.

— Да-да, — торжественно сказал дедушка Геракл. — И мы спустились по этой верёвке, собрались и отправились обратно в Огайо.

— А что... — начал мистер Габби.

— Жалко, конечно, мне было Попрыгунчика, — прервал его дедушка Герк, потирая подбородок.

— А это... — попытался встрять Макс.

— Ну, со всеми этими приключениями, — продолжил дедушка Герк, — он забыл, где закопал свои мешочки с золотом. Всё там перерыл, прежде чем сдался.



– А это правда? – закончил наконец свой вопрос Макс.

– Да, я частенько думаю о золоте Попрыгунчика, – ответил дедушка Геракл. – Может, как-нибудь отправлюсь на Запад, поищу его.

– Что-то с этой историей не так, – проворчал шериф, почесав в затылке. – Но никак не пойму что.

– Разве может человек так прыгнуть? – покачал головой дядюшка Одиссей. – Хотя, наверное, может, – быстро проговорил он, взглянув на дедушку Геракла.

– Эту историю вам не испортить, – с видом триумфатора провозгласил дедушка Геракл.

– Это как на роликовых коньках, – объяснил Гомер, – когда снимаешь тяжёлые ролики, ноги кажутся лёгкими как пёрышки. И ты их задираешь выше обычного.

– Дело, наверное, в силе притяжения, – развил мысль дядюшка Одиссей. – Гравитация постоянно тянет золото и кам-

ни вниз. Это как с яблоками, которые падают с деревьев. И когда человек теряет эту гравитацию так резко, ничего ему не остаётся, кроме как взмыть вверх.

– Стойте! – вскричал мистер Габби с безумным блеском в глазах. – У меня идея! Это даже лучше, чем «Пловцы-ловцы».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.